

КО ГДА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ВРЕМЯ

КОГДА ВРЕМЯ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ

1.

О, незакатные дни моей молодости ! Где ваша прелесть, трепетавшая от познания жизни, от соприкосновения с тайной бытия ? Как все это далеко и... как близко. Словно вчера было...

Мы шли с тобой по высокой горной тропинке. Где-то глубоко под нами шумело море. Кругом громоздились скалы. Тропа была ровная, но такая узкая, что я принужден был пропустить тебя вперед. Я держал ^{много} ~~тебя~~ за руку, и мне казалось, что по ней передается бие-ние твоего сердца. Мы шли молча. Слова были излишни, как лишними нам представлялась сама природа - скалы, сосны, море... Мы ступали по твердой земле, а нам казалось, что скользим мы в надмирном эфире, там, где нет людей и где слышится лишь глубокое дыхание земли, лежащей далеко под нами.

Мне хотелось окликнуть тебя по имени, чтобы оно заполнило ночную темноту, но какая-то боязнь кощунства меня останавливала. И все же я приоткрыл губы и ^{вздох} слышно прошептал его. ^{Эле} ~~Едва~~ уловимое дуновение ветерка донесло его до твоего слуха. ^И ~~Ты~~ замедлив шаги, ты повернула ко мне голову. В эту минуту луна разорвала легкий покров облаков, лучи ее скользнули по морю искрящейся дорожкой и серебром озарили твое лицо. Глаза наши встретились. Медленно, словно замороженная, ты обернулась ко мне. Руки сомкнулись. Я привлек тебя, обнял, чуть нагнул твой стан, так что лицо твое было ~~еще~~ словно отлито из животрепещущего серебра. Губы слились в первом, ^{длинном} ~~долгом~~ поцелуе.

Время остановилось...

И роды вспомнила - страшные, ни с чем несравнимые боли, и какое-то светлое разрешение, неизъяснимое блаженство этого разрешения / такое глубокое по своему значению слово, многие ли над этим задумывались !/

Казалось это было давно и в то же время как будто только вчера.

Теперь сын ее лежал перед ней... Сын. Вся ее надежда, цель всей ее жизни, ее будущая опора... И вдруг... Нет, не может быть, такая жестокая несправедливость немыслима. Но почему же ? У многих ее знакомых умирали дети и даже старшего возраста, те, что уже говорили, всё понимали и сознавали, что умирают. Её сын, по крайней мере, ничего не будет сознавать. Помечется, помечется и... застынет. И кончено. Так и не познает мир божий. А может быть это к лучшему ? Что его ожидает в жизни ? Бедность, лишения, борьба и соблазны . Крошечная доля счастья и уйма бедствий... Общечеловеческий удел. "К чему все эти рассуждения ? " - подумала мать, и поняла, что она старается убить время. Каждая прожитая минута несла... что ? Она вглядывалась в маленькое личико, ища ответа, но ответа не было. И кто решал это "быть или не быть" ? - какой-то невидимый процесс, борьба микробов в этом крошечном организме, врач, направивший эту борьбу или... ?

В бога мать не верила. Но она верила в какую-то силу внутри себя, непобедимую для самой природы. Эта сила была Любовь ее к сыну, любовь не знавшая ~~ни-каких~~ границ, ~~ни-какой~~ предела, полная понимания и всепрощения. Всепрощения на всю жизнь, за всё будущее, за грехи "вольные и невольные", за обиды и огорчения, за невнимание и оскорбление - одним словом за всё то, чего никто другой прощать не может и не станет. . .

Она положила руку на маленькое тельце сына. Он сделал еле заметное движение. Мать вперила взгляд свой в его лицо, опущен-

ные веки, полуоткрытый ротик.

Две крупные слезы медленно покатались по ее щекам.

Время остановилось...

3.

В большую комнату, слабо освещенную настольной лампой с зеленым абажуром, быстрыми, нервными шагами вошел профессор в сопровождении своего ассистента.

Профессор положил на стол толстую папку, опустился в кресло, вынул платок и вытер, вспотевший от ходьбы и внутреннего напряжения, лоб. Ассистент, длинный, худой, в очках и с неряшливой шевелюрой, сел на стул напротив профессора и стал смотреть на него выжидательно.

- Да, - заговорил профессор, и в голосе его слышалась торжествующая нотка, - да, подумайте только, мой друг, 1813-й опыт ! Это не шутка. И все положительное, а последний, грубо выражаясь, прямо таки ошеломляющий. Пациент говорил на языке совершенно неизвестном ни одному лингвисту, ни одному специалисту по мертвым языкам. До сих пор все наши эпилептики вели себя в этом отношении благопристойно, они выражались на языках, хотя и мертвых, но специалистам известных. Или же на таких, где родство с тем или иным мертвым языком не трудно было установить. Мы, так сказать, не выходили за дозволенные человечеству, на данном этапе его развития, границы. Но сегодняшний опыт увел нас за эти пределы, открыл доступ в неведомые доселе пространства, в бесконечность... Вполне ли вам ясно, дорогой друг, колоссальное,

скажу прямо таки катастрофическое значение моего открытия ?

- Вы же знаете, профессор, с каким уважением я отношусь к вашим работам, и какое участие в них принимаю, - и в голое ассистента послышались нотки обиды.

- Верю, и ценю вашу помощь, дорогой друг. Но поскольку область науки, в которой я оперирую, еще так нова и мало исследована, мне поневоле все кажется, что даже такие вдумчивые и пытливые люди как вы, не смогут охватить всего значения моего открытия.

- Да, вы правы, профессор, я схватываю статическое его значение, но не вполне улавливаю значение динамическое. Моя терминология вас не шокирует ?

- Ничего. Очень даже удачно. Продолжаю свою мысль: важно, что человек / и в данном случае совершенно безразлично кто - русский, японец, француз или кто другой) - открыл тайну мира, да еще такую, перед которой все атомные достижения померкнут.

- Вы действительно думаете, что...

- Совершенно не сомневаюсь. Вот, что я открыл - в двух словах, конечно, не вдаваясь в излишние подробности, так как вы сами с ними прекрасно знакомы. - Профессор откинулся на спинку кресла и положил левую руку на толстую папку. - Тут, - продолжал он, - 1813 опытов, произведенных над эпилептиками всех возрастов, профессий и национальностей. В смысле языковом - папка эта полиглот. Мне удалось установить, что все эти эпилептики в известный момент их болезни, могут говорить не только на незнакомых им живых языках, но и на языках мертвых, известных лишь весьма ограниченному числу специалистов. И последний, 1813-й опыт, как я уже говорил и как вы сами могли убедиться, дал поистине потрясающие результаты. Пациент говорил на совершенно никому неизвестном и непонятном языке, ни ветвь, ни семью которого пока определить не удалось. О, конечно, только "пока." Со временем расшифруют и этот язык. Но не в этом главное

дело. Сущность моего открытия в том, что человечество воссоединилось со своим прошлым, что найдена непрерывная духовная и, если хотите, материальная связь всех со всеми. И гораздо более доказательная, чем *Homo primigenius Neanderthalensis*. Вы, мой друг, принимали близкое участие в моем открытии, и вам все будет понятно. Но как объяснить широкой публике, и как она это воспримет? К таким открытиям из духовной области принято относиться скептически. Могут раздастся голоса, да и наверно раздадутся, что речь идет о переселении душ. Да, да, ни более, ни менее. Душа эпилептика X. жила в теле человека, существовавшего столько-то веков назад и говорившего на одном из мертвых языков. И вот, во время эпилептического припадка больного поражает "реминисценция", и он говорит на давно позабытом языке, который когда-то был его родным. Это очень простое объяснение, но оно ненаучно и удовлетворит одних теософов, да и то, пожалуй, не всех. Теория, которую я выдвигаю на основании проделанных мной опытов и наблюдений - совершенно иная. Она строго научна. Я утверждаю, слышите ли, утверждаю, - и голос профессора зазвенел, - что где-то в космосе существует центр, в котором собраны все духовные эманации человечества - речь, музыка, даже мысли. И этот центр, ну, скажем - радиоактивен. Но не всем дано служить радиоприемниками. Для этого человек должен находиться в особых условиях, в данном случае - в состоянии эпилепсии. Но лично мне важно было установить самый факт, проверить его на опыте, а потом полученный результат, как имеющий несомненно колоссальный научный интерес, передать другим ученым. Я выполнил свое задание и рад буду содействовать коллегам, которые захотят углубить мое открытие на благо человечества. Вы, дорогой друг мой, можете приложить свои силы и знания и создать себе имя в научном мире.

~~Или~~ -Нет никакого сомнения, что со временем - и быть может очень скоро - что такое тысячу лет для истории человечества - ученые найдут тот путь, для того, чтобы каждый мог стать таким радиоприемником. И тогда... тогда - и профессор, прижав заветную папку рукой, подался чуть вперед, пододвинул свой стул и ассистент. Головы двух ученых почти соприкасались.

- Представьте себе, что нас ожидает, - продолжал профессор, - вернее не нас, а грядущее человечество! Все загадки прошлого разлетятся как мыльные пузыри. Мы будем оперировать не с гипотезами, а с совершенно точными, научно проверенными данными. Произойдет слияние прошлого с настоящим. Своего рода гармоничная преемственность. Вы понимаете, дорогой друг, что это будет неопределимо прекрасно... Мы сможем не только узнать все доселе нам неизвестные мертвые языки, но заглянуть еще дальше - а почему бы и нет? - и уловить нечленораздельные звуки первобытного человека. Мы узнаем точные слова, сказанные Александром Великим Диогену или матери Дария, мы уловим любовный шепот Клеопатры и Антония, мы узнаем, как интимные разговоры Наполеона, так и последние слова жены Лота перед тем, как она превратилась в соляной столб... Мы разгадаем тайну Железной маски... Вы понимаете, какие возможности перед нами открываются / тут профессор ухватился за рукав своего ассистента/, вы понимаете, что мы на грани... на грани безграничности познаний. Познаний точных, научных, повторяю это тысячу раз, а не гипотез. Вы понимаете, друг мой, мое волнение... Какие тут атомные открытия - при теперешнем мировоззрении известной части человечества, они чреватны разрушением. Вы знаете, что, например, рак груди увеличился на 8% после атомной находки. Мое же открытие несет разрушение лишь гипотезам. Мы вступаем в мир

положительного. Нет больше неясного, нет больше догадок, нет больше ... прошлого. Все стало единым... Нет больше космоса, в котором мы лишь частица, мы сами - космос, стерты грани между микрокосмом и макрокосмом. - Рука профессора все крепче и крепче сжимала рукав ассистента.

"The Time Machine" - Я победил пространство, я победил время... Что такое Уэллса... Лепет младенца... Теперь не только покорен мир, покорен космос !!

Профессор вприл свой взлр вдаль, поверх ассистента; глаза его горели, казалось, стены кабинета раздвигаются и он созерцает безграничные просторы космоса. ..

Ассистент почувствовал, как по спине его пробегает легкая дрожь. Его взгляд последовал за взглядом профессора...

Время остановилось .

4.

По шоссе, спускавшемуся к речке, служившей границей двух государств, шел человек. Ему было под пятьдесят, но по походке, по гордо поднятой голове, по молодо-радостной улыбке, озарявшей его загорелое лицо, ему можно было дать лет двадцать пять. Видно было, что он горит каким-то внутренним огнем воодушевления. Шагал он не быстро, но уверенно и, для своих лет, легко, словно не чувствовал под собой земли.

Человек этот возвращался на Родину после тридцатилетнего отсутствия. Когда -то, молодым, он бежал от преследований полиции, бежал оттого, что боролся за счастье людей, ~~за то~~ ^{оттого} что ненавидел тогдашнюю власть и тайно работал для ее свержения. В эмиграции

прожил он тридцать лет - лучшую пору своей жизни - пока не грянул залп Революции, пока не взошло солнце свободы !

Тогда он сразу решил вернуться на Родину. Он был в душе романтик, и ему показалось мелким и обиденным въехать на родную землю ^в поезде с прочими пассажирами - ~~туристами~~ дельцами, служащими, любопытными - которые, ясно, не испытывали бы и сотой доли обуревавших его чувств, и своей житейской пошлостью помешали бы ему насладиться долгожданной минутой возвращения.

Потому он слез на предпоследней перед границей станцией и пошел пешком. Повесив на палку узелок с пожитками, он бодро шагал по шоссе. Было ранне^е утро. Над рекой стлался туман, но так низко, что с горы был виден противоположный берег - песчаные холмы, сосны, синева уходящей дали ! Эта уходящая даль манила его как манит силуэт любимой девушки, с которой тебя связывает глубокое, нерушимое чувство. Родина ! Это слово означало для него все - любовь, радость, успокоение, достоинство, долг и... безмерное счастье. Он всегда не только не понимал, но и презирал тех, кто уверял, что понятие Родины им чуждо, что оно искусственно, что все люди братья и т.п. Не он ли боролся всю жизнь за то, чтобы все люди стали братьями, не он ли готов был отдать жизнь за эту идею - но чувство Родины было в нем очень живо и горело неугасимым пламенем. И ~~когда он это~~ ^{познал он} чувство всеобщего братства ^{уже} именно через чувство любви к ~~своей~~ Родине. И потому минута возвращения казалась ему небывалым праздником души.

Он остановился на пригорке. Глубоко вздохнул - и воздух какой-то особенный. Свежесть его не просто утренняя, а ~~еще~~ всепроникающая и животворящая. Воздух веял оттуда, с родных полей, уходивших в необозримую даль.

Что его ждет на Родине ? Он не знал, не думал. Работа - какая бы то ни было, где бы то ни было, работа на благо своего народа.

Скоро нога его ступит на родную землю, он услышит вокруг себя родную речь, увидит родные лица - ведь каждого он сможет считать родным, потому у всех бьется одно сердце.

Бликих у него не было, все умерли, кроме брата. Но и о нем он давно ничего не знал. Взгляды их были разные, брат не одобрял его революционной деятельности, и он о нем слышал только через третьих лиц - тот опасался переписываться с политическим эмигрантом.

Но теперь, стоя на пригорке и вдыхая несшийся ему навстречу родной воздух, он вдруг ясно представил себе лицо брата, правда таким, каким он его оставил 30 лет назад. И ему захотелось поскорее его увидеть, обнять единственного близкого человека на родной земле. С годами взгляды брата наверно изменились, и им не так трудно будет разговаривать, как это было в молодости...

^{он} Человек легким жестом откинул на затылок шляпу и бодрой походкой стал спускаться к реке.

А в это время на том берегу, но ~~нигде~~ выше по реке, в густой заросли ивняка крадучись подвигалась человеческая фигура. Костюм рабочий, без шляпы, за плечами узелок. Двигался человек очень медленно, боясь малейшим шумом выдать свое присутствие. По чьей-то оплошности возница доставил его к лесу у ~~печи~~ пограничной реки гораздо позднее условленного часа. Реку надо было переплыть в темноте, а сейчас было раннее, но уже светлое утро. Угроза быть замеченным была очень велика, но всякое промедление было тоже опасно; он видел, что пограничники в последнем родном селе оглядывали его как-то подозрительно, и несомненно за ним установлена слежка. Медлить нельзя. Позади была Родина, в которой, как он считал, ему нет места при новой власти - впереди была то, что он называл Свободой. У самого берега он разделся, ^{за}вернул одежду в узелок, захватил его зубами, ~~медленно~~ ^{тихо} погрузился в холодную воду. Он надеялся на туман, который покрывал еще поверх-

ность реки.

А эмигрант подходил к пограничному мосту. На губах его блуждала счастливая улыбка. Он показал свои бумаги пограничникам иностранного государства; всё было в порядке и его пропустили.

В тот момент, как он вступил на мост, туман рассеялся, и солнечные лучи брызнули на реку, на мост...

" Счастливое предзнаменование", подумал он.

Выше по реке раздались выстрелы. Эмигрант остановился, но только на мгновение. Потом, почти бегом, отшагнул вторую половину моста и ступил на родную землю.

Время остановилось - для него на одно мгновение, а для того, переплывавшего реку и предававшего свой народ и свою Родину - навсегда.

22.2.58 - 17.3.58

